

3-279/46

КРОКОДИЛ

№ 36

МОСКВА 30 ДЕКАБРЯ
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

1946

ЦЕНА НОМЕРА — 1 РУБ. 20 КОП.

1947

Только в редакцию
 Не швед, возмужать все предприятя,
 поблагодарить вас за приятя,
 Колхозы, научные урешденыя,
 а так-же отделе мнз, стпомнени м-
 ветретивших мнз, приному ил терз
 годового плана, Вашего ординала горелк
 посредством Вашего
 благодарности.

Но в 1947 году

ЗА СТОЛОМ — экзаменационная комиссия.

На председательском месте пожилой товарищ, на мужественном лице которого... Впрочем, стоит ли описывать его внешность? Ведь каждый из нас встречался с ним в течение 365 дней. У него большое, четырёхзначное имя. Но мы, его друзья, привыкли называть его коротко — Сорок шестой.

По правую руку от него светлоокий паренёк. У него обаятельные черты лица. И недаром люди, встречая его, весело говорят друг другу: «С Новым годом!» Многие художники рисуют Сорок седьмой розовощёким младенцем. Но здесь, за столом, мы видим его не ребёнком. Он любит расти и умеет это делать. Тов. Сорок шестой смотрит на него ласково и уверенно: Сорок шестой, уходя, передаёт дела в надёжные руки.

Обязанности секретаря комиссии исполняет жизнерадостный, румяный дед, наш старый приятель Дед-Мороз. На его гимнастёрке партизанская медаль: в войну дед доставил немцам немало хлопот.

Открывая заседание комиссии, тов. Сорок шестой произнёс краткую речь:

— Товарищи! Проверьте свои часы. Проверили? Итак, мне скоро придётся покинуть вас. Я оставляю своему преемнику (он ласково похлопал Сорок седьмого по плечу) замечательных советских людей, вместе с которыми он совершит много замечательных дел. А сейчас, товарищи, мы с вами должны проделать одну, откровенно говоря, не весьма приятную работу. Перед нами пройдёт несколько отстающих граждан, которые хромают по тем или иным предметам, и мы должны решить: переводим ли мы их в следующий класс или нет? Начнём?

— Начнём, пожалуй! — пропел Дед-Мороз.

И, открыв дверь в следующую комнату, крикнул:

— Загребущий Никанор!

* * *

— Здесь!

Перед столом появился коротконогий человек с холщёвым портфелем.

— У меня, — произнёс он, — переекзаменовка по истории. Я, понимаете ли, на данном отрезке...

— Короче, — мягко прервал его Сорок седьмой. — И не надо отрезков.

— Я в отрезках и не замешан. Это заврайзо Обиралов отрезал у колхоза землю. А я влип в другую историю. Я взял в колхозе двух поросят, совсем маленьких. Ну, и мучицы взял. Устроили мы, значит, блины. Не я один ел, целая компания.

— Кто присутствовал на этом блинском заседании? — спросил Дед-Мороз.

— Человек десять. Могу представить список. Все ублажались, а отвечать за эту историю мне вот приходится. Конечно, я признаю...

— Мне кажется, — сказал Сорок седьмой, — вы не до конца осознали свою ошибку.

— Могу и до конца. Я до конца сорок шестого года успел взять ещё одного поросёночка, но...

— Ладно! — прервал его Сорок шестой. — Следующий!

* * *

— Не понимаю, — обиженно произнёс вошедший кругленький, самодовольный человек. — Не понимаю. Почему я попал сюда? Русским языком я вас спрашиваю: почему?

— Вот за это самое.

— За что?

— У вас по русскому языку плохая отметка.

— Тут какое-то недоразумение. Прочитайте-ка мои резолюции, заключения, отношения, опровержения.

— У вас плохая отметка по устному. Вы искажаете русский язык. Вы в вашем учреждении то и дело кричите на посетителей: «Я вам русским языком сказал — приёма нет!», «Я вам русским языком говорю — придите через две недели!», «Я вам русским языком повторяю — оставьте мой кабинет!».

— Не согласен! Я вам русским языком говорю — не согласен!

* * *

— Я следующий. Добрый вечер! Очень прошу не задерживать меня. Боюсь опоздать на встречу Нового года. Разрешите закурить? Погодка сегодня чудесная: лёгкий морозец.

— Сейчас я его продеру по коже, — шепнул Дед-Мороз.

И, обратившись к этому попрыгунчику, спросил:

— Хотите встретить Новый год? А хочет ли Новый год встретиться с вами?

— Хе-хе... Чудесно сказано. Да. Можно закрыть форточку? Что-то мне холодно стало.

— Вы, гражданин, — обратился к нему Сорок шестой, — пытались обмануть и меня и моего преемника. Вот почему мы и пригласили вас сюда. Вы провалились по сочинению.

— По сочинению? Но я ведь не литератор, не писатель.

— Вы автор другого сорта. Вы круглый год сочиняли очковтирательские рапорты о выполнении плана на руководимом вами предприятии. А сейчас вы хотите встретить Новый год в то время, когда вы ещё не закончили дела со старым.

— Признаю свою ошибку. Если нужно, могу и в письменном виде.

— Вот-вот. У вас ещё двойка по чистописанию.

— Не может быть. У меня один из лучших почерков в стране.

— И этим почерком вы старательно украшали свои многочисленные покаянные письма. А на самом деле...

— А на самом деле не было дела, одно безделье, — вставил Дед-Мороз.

— Чудесно сказано. Признаю свою ошибку и обещаю, так сказать, изжить...

— Следующий!

* * *

— Кто этот плюгавенький? — шопотом спросил Сорок седьмой, рассматривая вошедшего человечка, на лице которого было написано: «Хоть у меня на грош амуниции, но зато на целый гривенник амбиции».

— Это некий бумагомаратель, возомнивший себя писателем. Не могу вспомнить фамилии.

— По какому предмету он вызван?

— По пению. Поёт чуждым нам голосом.

— Нет! — категорически заявил Сорок седьмой. — Такие мне ненужны.

— Ступайте! — сказал плюгавенькому Сорок шестой.

* * *

— А вы кто такой?

— Странно. Пятый год работаю на одном месте, а в лицо меня не знают. Я Ничевокин, заведующий отделом местной промышленности. Экзаменуюсь по географии. Могу ответить. Могу без запижки рассказать, в какой области растёт лес, в какой области глина для кирпича, где пенька, где кожа, где конский волос, чем славится Тамбов, чем отличается Владимир и какие кустарные производства в Уркуме. Во!

— Чудесно. А чем славится ваша область?

— По линии моей области пока ничего не могу подчеркнуть, ибо по линии моей области, как в важнейшей области по линии моей работы...

— Следующий!

— Я ещё не закруглился.

— Хватит!

* * *

Собирая бумаги со стола, Сорок шестой обратился к своему молодому преемнику:

— Ну, и с нас хватит. Пора! Тебе сейчас работать, тебе и решать, кого можно исправить, кого возьмёшь с собой и от кого решительно отказываешься. Слышишь? Часы бьют двенадцать. Прощай! С Новым годом, друзья!

Лесник вложил в ружьё заряд,
С тропы скользнул на тракт.
В лесу, говорят, в бору, гово-
рят,

Случился данный факт.

Не Дед-Мороз в лесу стучал —
Людской до ёлки след:
Средь бела дня рубил сплеча
Простой колхозный дед.

В глухом лесу, под ёлкою,
Конфликт стоял ребром:
Лесник стоял с двустволкою,
Порубщик — с топором.

Лесник сказал: — Послушай-ка,
Седая голова,
Не совестно обрушивать
Такие деревья?

Старик сказал: — Нисколечко!
Предлог в селе хорош:
Колхоз надумал ёлочкой
Потешить молодёжь.

Лесник сказал: — Почтенней-
ший,

Шути в избе с женой.
Легко сказать: растеньишко
В пять сажен вышиной!

Такую ель на лошади
Придётся в клуб ввозить!..

— А мы её на площади
Решили водрузить...

Украсим э-лек-три-чест-вом,
По лампе на сучок!
Порубку я с лесничеством
Оформил, землячок.

Старик, достав квитанцию,
Добавил свысока:
— Свою электростанцию
Пускаем от движка.

Лесник сказал: — Событие
Великое вполне;
Нельзя ли на открытие
Той станции и мне?

Старик сказал: — Усиленно
Вас звали земляки;
Берись! — и ёлка спилена
В два счёта, в две руки.

Коня выводит серого
Из ельника старик;
Заносит комель дерева
На дровни сам лесник...

Скользнули лыжи наугад,
А дровеньки — на тракт.
...В лесу, говорят, в бору, гово-
рят,

Случился данный факт.

Алексей РЕЗАПКИН

НЕКОТОРЫЕ ПОЖЕЛАНИЯ НЕКОТОРЫМ ТОВАРИЩАМ

ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ П. ВЕРШИГОРА, ГЕРОЮ СОВЕТСКОГО
СОЮЗА, АВТОРУ КНИГИ «ЛЮДИ С ЧИСТОЙ СОВЕСТЬЮ»

На Новый год об эту пору
Свершить ещё записок гору.

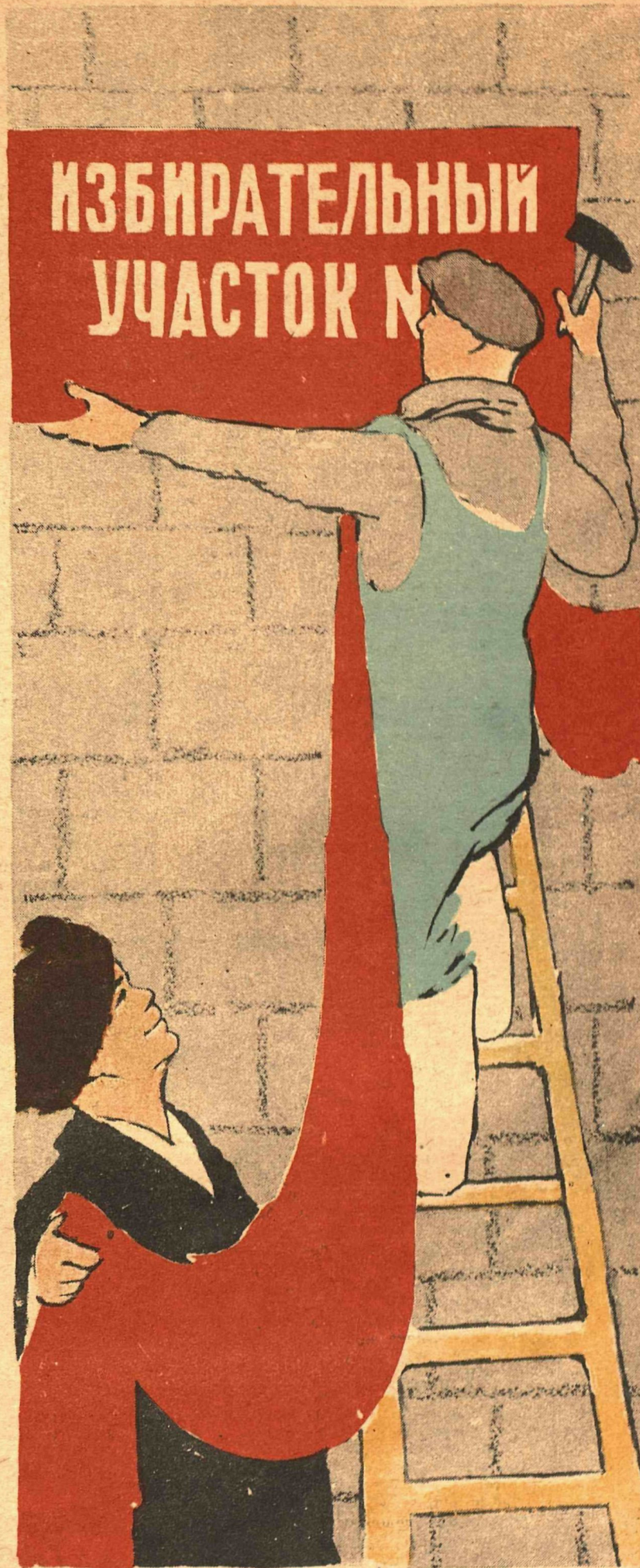
ДИРЕКТОРУ ОБУВНОЙ ФАБРИКИ «ПАРИЖСКАЯ КОММУНА»,
НА КОТОРОЙ НАЧАТО ПРОИЗВОДСТВО ИЗЯЩНОЙ МУЖСКОЙ
И ДАМСКОЙ ОБУВИ, РИТМАНУ И. А.

Со швами делать и без швов,
Но чтоб ни разу с пыла, с жара
За счёт высоких каблуков
Не снизить качество товара!

ЗНАТНЫМ ТКАЧИХАМ ВИЧУГСКОЙ Ф-КИ им. НОГИНА ЕКА-
ТЕРИНЕ ПОДСОБЛЯЕВОЙ, ЛИДИИ МАРФИНОЙ, ЕВДОКИИ
ЛАВРИКОВОЙ, КАЖДАЯ ИЗ КОТОРЫХ РАБОТАЕТ
НА 284 СТАНКАХ ОДНОВРЕМЕННО

Что сказать вам, три подруги,
Всем известные в округе?
Что всем трём на полный ход
Пожелать на Новый год?
Если все вы молодые, —
Трёх хороших женихов;
Если все вы пожилые, —
Крепких снов до петухов.
И здоровья. И удачи.
Чтобы всё по маслу шло,
Чтобы не было иначе,
Чтобы вам во всём везло!

Сергей ВАСИЛЬЕВ

— Ну, что ж, и на этом участке работы мы не
подкачаем!

Новогодние телеграммы

Рис. Г. Вальда

НОВОМУ году было от роду один час сорок минут. Все тосты, поздравления и пожелания были сказаны, и хозяйка дома Елена Ивановна Печкина объявила, что «больше ничего не будет!..»

Гости стали шумно подниматься из-за стола, как вдруг в передней раздался звонок.

— Боже мой, это Кочуев! — сказала Елена Ивановна и взялась за висок.

— Петя! — приказала она мужу. — Заводи патефон, только смотри: пружину не перекрути. А я займусь Кочуевым!..

Предводительствуемые Петей, гости устремились в соседнюю комнату, где предполагались танцы, а Елена Ивановна поспешила на встречу опоздавшему Кочуеву. Из передней уже доносился его голос, тусклый и дребезжащий, напоминавший звуки, которые издаёт испорченная кофейная мельница.

Кочуев — длинный, сухопарый мужчина лет сорока шести, с красным, как у новорождённого младенца, личиком, стоял у вешалки и, держа в руках снятые калоши, что-то внушал домашней работнице Печкиных — Лизе.

— С Новым годом, Кочуев! — звучным контрапунктом сказала Елена Ивановна. — Почему вы так опоздали, милый?

Продолжая держать калоши в левой руке, Кочуев тем же тусклым, дребезжащим голосом стал объяснять, почему он опоздал на встречу Нового года.

— Разве у нас можно не опоздать на Новый год? — жёлко говорил Кочуев. — Во-первых, лёг вздремнуть, а соседям забыл сказать, чтобы они меня разбудили. Другие бы, конечно, сами догадались разбудить человека перед Новым годом. Но мои — это же эгоисты до мозга костей, думают только о себе. Представьте себе, Елена Ивановна, нарочно ходили на цыпочках и говорили шепотом: «Тсс!.. Не надо будить Кочуева!..» Просыпаюсь: четверть первого! Ну, зато уж я их и отчитал, будьте спокойны. Весь год будут помнить! Во-вторых, наш милый транспорт. С трудом сел в гроллейбус и сейчас же поругался с кондукторшей. И так увлёкся, что проехал лишние четыре остановки. В-третьих, у вас на лестнице запачкал известкой пальто, — продолжал Кочуев. — У нас же всегда так: вдруг ни с того, ни с сего начинаю всё ремонтировать!

— Не брызжите, Кочуев. Сейчас Лиза почистит ваше пальто — и всё будет в порядке.

— У вас, поди, щётки нет?

— Есть у нас щётка!

— Странно! У нас же, наверное, не делают щётки. Вот пишут, что кооперация намеревается торговать всякими там щётками, но... Улита едет, когда-то будет!

— Представьте себе, вчера была на рынке и купила в кооперативной лавке чудную щётку, — сказала Елена Ивановна, смеясь. — вот полюбуйтеся!

Кочуев с уважением, как на породистую собаку, посмотрел на новенькую щётку и сказал:

— Н-да-а. Бывает!

Потом он, наконец, поставил свои калоши на пол, подумав, снова их поднял и, подавая Лизе, сказал:

— Заверните их в газету и спрячьте у себя. На всякий случай.

...За столом, уставленным опустошёнными блюдами и грязными тарелками, одиноко сидел толстый лысый мужчина с добродушным лицом и что-то жевал.

— Знакомьтесь, Василий Никитич! — сказала Елена Ивановна. — Это Кочуев, Христофор Никанорович. Вот ваш прибор, Кочуев, он чистый. А я пойду на кухню, посмотрю: нельзя ли что-нибудь для вас ещё достать!..

Кочуев брезгливо потыкал вилкой в сельдочный хвост, выжал из графинчика полрюмки водки, выпил и сказал, обращаясь к добродушному толстяку:

— Вот, знаете ли, если взглянуть на вещи философски... Собрались люди, кричали «ура!», поздравляли друг друга с новым счастьем!..

А что в результате осталось от этого «пышно-го» веселья? Вот эти окурки да селёдочный хвост!.. Нет, не умеют у нас встречать Новый год!

— Это же только вам достался селёдочный хвост! — улыбнулся толстяк, продолжая жевать. — А люди не жаловались. Не надо было опаздывать!

— Откровенно говоря, мне не очень хотелось сюда идти! И вообще... не понимаю, с чего это Печкины так... развернулись?

— А почему бы Печкиным и не развернуться? — сказал толстяк. — Пётр Николаевич недавно премию получил за своё изобретение, завод у них перевыполнил план...

— Бросьте! Не поэтому Печкины развернулись!

— А почему же?

— Мне люди говорили. У них новое начальство в главке, а Петя Печкин, как известный пролаза, уже ухитрился с этой новой метлой подружиться и даже пригласил её к себе ча Новый год. Вот ради этой метлы Печкины и развернулись. Понимаете?

— А мне люди говорили, — странно улыбаясь, сказал толстяк, — что Петя Печкин и эта, как вы изволите выражаться, метла, — просто старые институтские друзья!

— Бросьте, какие там друзья!.. Воображаю, как сейчас старается наш милый Петенька!.. Всех гостей бросил, хвост распушил и увивается возле начальства. А тот — этакий толстый индюк...

— Почему же обязательно толстый? — сказал толстяк, багровея.

— Именно толстый, именно индюк... Он даже и не смотрит на Петьку. Потеха!.. Вот это у нас умеют!

— Послушайте! — звонко сказал толстяк. — Как вам не совестно так говорить о хозяине дома и его друзьях?.. И вообще... я не индюк!..

Кочуев ошалело посмотрел на толстяка, положил на тарелку вилку с нацепленным на неё селёдочным хвостом, сказал: «Н-да-а! Бывает!» — поднялся и вышел из столовой.

В соседней комнате танцы были в самом разгаре. Кочуев встал у дверей и принялся рассматривать танцующих. Те не обращали на него никакого внимания, и скоро вид искренно веселящихся людей стал раздражать Кочуева. Ему снова захотелось брюзжать и говорить неприятности. В этот момент его окликнули. Оглянувшись, Кочуев увидел в углу, на диване, пожилую женщину, седую, с красивыми чёрными глазами. Это была его знакомая — Мария Аркадьевна Рюмина.

Кочуев поздоровался с Марией Аркадьевной, сел рядом и сказал:

— Что же вы... не прыгаете, Мария Аркадьевна?

— Сердце жалею... А мой — вон, видите, как прыгает!

Кочуев посмотрел на солидного, бородатого Рюмина, который лихо отплясывал какую-то невероятную помесь старинной польки с архисовременным блюзом в паре с тоненькой, как тростинка, и очень хорошенькой девушкой, покрутил головой и сказал:

— Напрасно вы... это!..

— Что напрасно?

— Напрасно позволяете своему супругу такому козлом скакать!.. Смотрите, как бы он... совсем от вас не ускакал!

Мария Аркадьевна засмеялась и сказала:

— Ну, я этого не боюсь, Кочуев! У нас союз прочный и неразрывный.

— Бросьте! Знаем мы эти «прочные и неразрывные»... Прудниковых помните? Уж такие были прочные и неразрывные, а на-днях читаю объявление в «Вечёрке»... Смотрите, смотрите, как он её глазами ест, ваш муженёк!.. Неосторожная вы женщина, Мария Аркадьевна!

— Побойтесь бога, Кочуев! — сказала Мария Аркадьевна. — Это же моя дочка!

— Как дочка?!

— Так! Наташка! Вы её не видели три года... Совсем взрослая стала, правда?!

Кочуев посмотрел на Марию Аркадьевну, сказал: «Н-да-а! Бывает!» — посидел для приличия ещё минут пять, поднялся и поплёлся назад в столовую.

Он тихо приоткрыл дверь и увидел супругов Печкиных и толстяка из главка. Толстяк что-то рассказывал хозяевам дома, и вдруг Кочуев услышал, как Петя Печкин, прервав толстяка, сказал: «Честное слово, я сейчас спущу эту жабу с лестницы!»

Кочуев так же тихо прикрыл дверь, пробрался на кухню, взял у Лизы свои калоши, оделся и только тогда, когда очутился на улице, погрозил печкинским ярко освещённым окнам кулаком и громко сказал:

— Ну, мы это ещё посмотрим, кто кого спустит с лестницы!

Он шагал по весело скрипевшему снегу, и вся желчь в нём кипела. Даже звёзды, крупные, по-зимнему прочно ввинченные в небо, раздражали его. Они были так равнодушно-холодны к Кочуеву, так явно не трогало их кочуевское брюзжанье.

Когда одна звёздочка, сорвавшись, вдруг покатила вниз по чёрному небосводу, Кочуев подумал со странным чувством удовлетворения: «Не удержалась всё-таки!»

Леонид ЛЕНЧ

Продукты, поставляемые ЮНРРА для нуждающегося населения Греции, попадают только в руки хитросов и прочих монархистов.

Рис. К. Елисева

ОДИН ЗА ВСЕХ

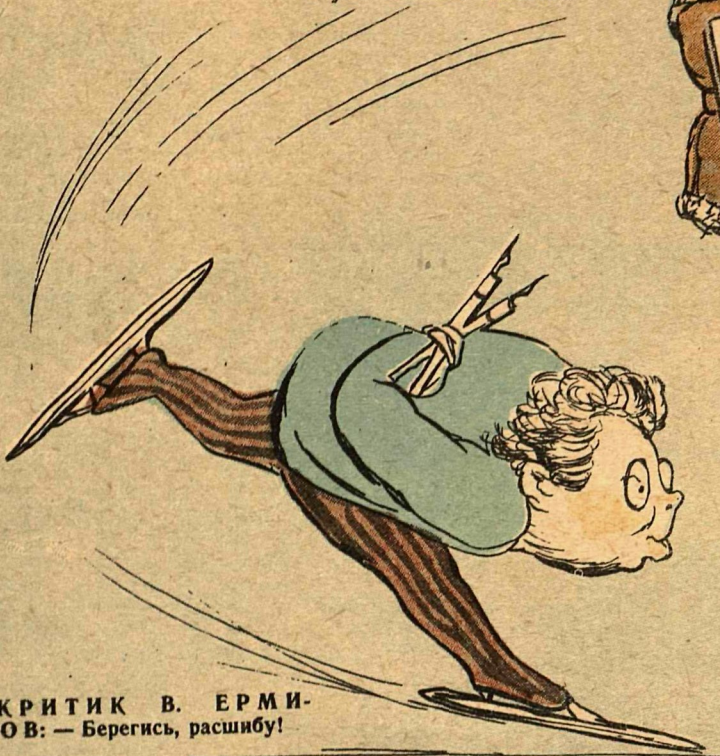
— Я пью за всех голодающих греков! И ем за них тоже!

Рис. Кукрышникс

ПЕРВЫЕ ШАГИ
(Писатель В. Некрасов)

Только вышел на каток...
и уже неплохо катается.

КРИТИК В. ЕРМИЛОВ: — Берегись, расшибу!

ХУДОЖ П. КОНЧАЛ
Он здесь, как
любимом
С весенним пейза
в озяб

ПОЭТ А. СУРКОВ
и ПИСАТЕЛЬ В. ВИШНЕВСКИЙ
На ножах.

ПОЭТ С.
Конькобе

ИРОНИЧЕСКАЯ СМЕС

ОН БЫЛ ЗАСТАРЕЛЫЙ НАЧЕТЧИК

Он был застарелый начётчик...
Готова статью иль доклад,
Просиживал целые ночи
Над грудой дежурных цитат.
Идей никаких не имея
И в ход не пуская чернил,
При помощи ножниц и клея
Он вредное дело творил:

Бралась им хорошая книга,
Из книги — плохая строка, —
И скромного автора мигом
Он мог превратить в пошляка!
И все перед ним трепетали...
Всегда недоволен и хмур,
Он был в популярном журнале
Одной из «ведущих фигур».

Исчез застарелый начётчик
Надолго куда-то во мрак...
А нынче он снова хлопочет,
Попрежнему действуя так:
Берётся им новая книга,
Из книги — плохая строка, —
И скромного автора мигом
Возводит он в ранг пошляка!

КЕСТВЕННЫЙ КАТОК

**ДРАМАТУРГ
В. СОЛОВЬЕВ**

Подчас на «Дороге победы»
Случаются с автором беды.

**КОМПОЗИТОР
Д. КАБАЛЕВСКИЙ**
Он и на льду выводит ноты
(Часть сто восьмая, опус сотый).

**НИК
ОВСКИЙ**

всегда, на
коньке, —
жем
шей руке.

КИРСАНОВ
жец-фигурант.

**КИНОРЕЖИССЕР
С. ЭЙЗЕНШТЕЙН**

Не катается, потому
что боится поскользнуть-
ся. В последний раз ус-
пешно катался на льду
Чудского озера.

**ПИСАТЕЛЬ
Л. НИКУЛИН**

(Автор мемуаров
о Шалыпине)

Его мороз не заморозит:
Шалыпин здорово вывозит.

КУКРЫНИКСЫ 46

С Б

ЭПИГРАММЫ

СЕРГЕЙ БОРОДИН

Он баснословной немотою скован —
Не пишет со времён «Дмитрия Донского»!

СТЕПАН ШИПАЧЕВ

Степан других поэтов лучше
Уж тем, что тратит меньше слов.
Но он ещё настолько Тютчев,
Насколько Гейне М. Светлов.

ЛЕОНИД СОБОЛЕВ

— Из воды сухим он вышел! —
Утверждать мы можем смело:
Хоть всю жизнь о море пишет, —
Нет воды в его новеллах!

СЕМЕН ГУДЗЕНКО

Снарядами нас забросал поэт,
Но критика установила,
Что никакой опасности тут нет,
Поскольку в них — обычные чернила!

ВСЯКОЕ БЫВАЕТ

Бывает, что и в области живёт
Писатель всесоюзного масштаба,
А иногда, наоборот,
Столичный автор пишет слабо!

ЩЕДРАЯ ДАНЬ

Однажды драматург один бывалый
До одноактной пьесы снизошёл
И ухитрился в форме этой малой
Всех поразить халтурою большой!

КРИТИК-ПОПРЫГУНЧИК

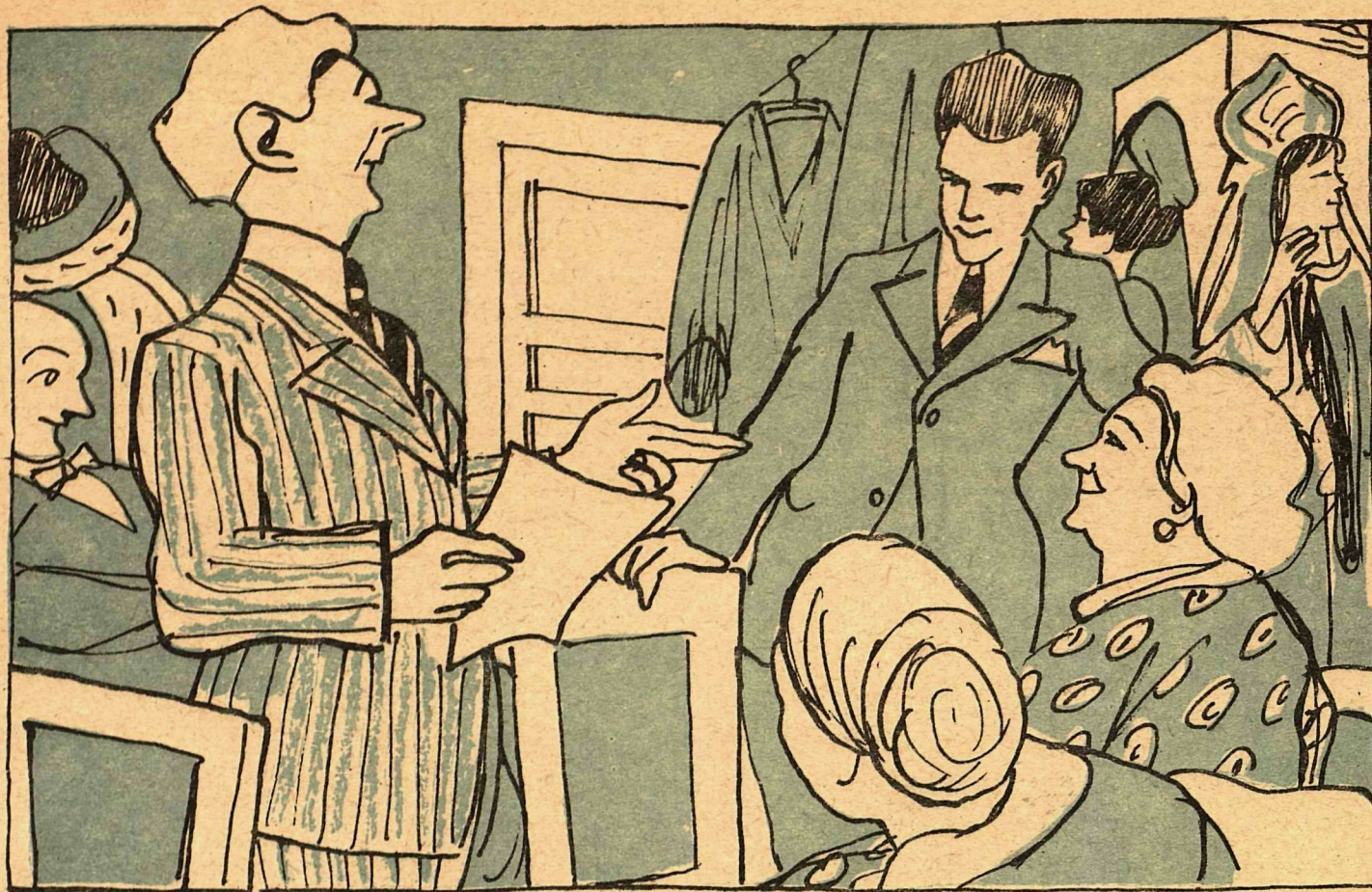
С вершины прыгая на кочку,
Приспосаблиясь так и сяк,
Попасть старается он «в точку»,
Но поладает лишь впросак!

ПИСАТЕЛЬ-ГАСТРОЛЕР

Он пассажиров удивлял
Солидностью своею ложной:
Его багаж культурный мал,
Зато велик багаж дорожный!

Сергей ШВЕЦОВ

НЕ В СВОЕМ РЕПЕРТУАРЕ

РЕЖИССЕР: — Запомните! Вы, молодой человек, будете исполнять роль Деда-Мороза, а эта старушка — роль Снегурочки.

СЛУЧАЙНОЕ ЗНАКОМСТВО

СОБСТВЕННО говоря, следовало начать этот рассказ с описания природы. Тем более что мне дозарёзу надо было сказать несколько слов о золотом осеннем утре, о желтеющих листьях клёна, которые, кружась, падают с деревьев, о шумных караванах птиц, несущихся в страны полуденного солнца.

Но, не желая отнимать у вас много времени, дорогой читатель, не буду касаться всей этой пёстрой лирики и перейду прямо к тем событиям, которые являются стержнем этого произведения.

Поезд идёт на юг.

В одном из купе мягкого вагона всего два пассажира. В этом отношении мне, как автору, очень повезло: посторонние люди помешали бы стройному развитию повествования.

У одного из пассажиров мелкое худосочное лицо, на котором кое-как расположились ничем не выдающийся нос, мало выразительные глаза и ни о чём не говорящий рот.

В отличие от первого пассажира второй имеет весьма солидный вид, о чём свидетельствует его полное и серьёзное лицо, на коем будто написано крупным шрифтом: «Я так хочу!»

Желая нарушить установленный стандарт или, может быть, просто озорства ради, природа наделила неказистым лицом начальника Прохора Андреевича Белугина, а богатую, волевою физиономию подарила его подчинённому Василию Ларионовичу Гусарову.

При некоторой игре воображения можно, ей-ей, подумать, что эти два человека ещё на перроне во время суматошной посадки случайно поменялись лицами и, не заметив того, сели в вагон...

Итак, начальник и его подчинённый едут вместе в одном купе на юг.

Но тут автор вынужден в первый и последний раз на продолжении этого рассказа удивить читателя, сообщив ему, что Белугин с Гусаровым познакомились лишь полчаса тому назад здесь, в вагоне.

Это тем более странно и удивительно, что Гусаров вот уж около трёх лет работает в учреждении, возглавляемом Белугиным.

И когда Гусаров вошёл в купе и увидел там своего сурового начальника, он сказал себе: «Ба, знакомые всё лица! Наш Прохор Андреевич! Интересная встреча! Но он, я уверен, имеет обо мне такое же смутное понятие, как царь Навуходоносор о зубной пасте «Санит».

И, ставя чемоданчик на верхнюю полку, мысленно добавил: «А в дороге даже удобней, что он меня не знает. И вообще всё к лучшему в этом лучшем из миров, как сказал мне однажды знакомый сотрудник «Нового мира».

Но как это могло случиться? Почему начальник лишь в вагоне, случайно, не ведая того, познакомился со своим сотрудником, родив у того игривую мысль насчёт вавилонского царя и зубной пасты?

Чтоб ответить на этот существенный вопрос, мы обязаны хотя бы в самых кратких чертах остановиться на личности уважаемого Прохора Андреевича Белугина, исполняющего в нашем рассказе роль начальника.

По авторитетному свидетельству старожилов, товарищ Белугин во время оно был неплохим товарищем.

Ещё не так давно — самое большее лет восемь назад — нынешний Прохор Андреевич ходил в малых чинах и отличался живым характером, был любопытен и неленив.

Он был общителен и эту свою общительность распространял не только на людей, но и на книги: Белугин водился с классиками и с авторами-современниками.

Но вдруг ни с того, ни с сего, вернее, по чьему-то недосмотру, Прохор Андреевич стремительно, наподобие бумажного змия, подымается ввысь — и вот крыши домов его города начинают ему казаться пятаками, а люди внизу — копейками.

Он начинает страдать болезнью малокровных — головокружением. Как плохо пришитую пуговицу, Белугин теряет живость характера. И постепенно до того, простите, глупеет, что уже считает себя умнее всех.

В ту пору он порывает связь со своими старыми знакомыми, в том числе с классиками и прочими авторами. Он окружает себя исключительно новыми приятелями и приятельницами: циркулярами, инструкциями. Газету он бегло просматривает, — бегло и покровительственно — и совершает эту процедуру с таким видом, как будто делает ей, газете, большое одолжение.

На службе он замкнулся в своём кабинете и отгородил сей сумрачный замок от внешнего мира всякими бюрократическими валами и канавами. Лишь секретарь да два заместителя имели свободный доступ в эти владения.

Учреждение, возглавляемое Прохором Андреевичем, не очень обширное — что-то вроде небольшого великого герцогства Люксембургского: всего 120 человек жителей, включая уборщицу.

Однако начальник плохо знал в лицо даже ответственных сотрудников. Ни один смертный ещё не был удостоен счастья видеть, как достопочтенная нога Прохора Андреевича переступает порог какого-нибудь подведомственного ему отдела. Ежели ему нужно осведомиться

о чём-либо у кого-нибудь из своих подчинённых, он делал это по телефону, причём не унижался до того, чтоб самому поднять трубку, а вызывал секретаря:

— Скажите там... этому... как его... Пуговкину, чтоб он мне позвонил.

Наивный человек, он полагал, что всеми этими канцелярскими выкрутасами он, точно бетоном, укрепляет свой авторитет. И, прямо скажем, не одобрял Прохор Андреевич тех начальников, равных ему по рангу, которые позволяли себе запросто разговаривать со своими сотрудниками и даже советоваться с ними.

Теперь, надеюсь, понятно, почему, встретившись в вагоне с Гусаровым, наш кабинетожитель смотрел на него, как на личность, совершенно незнакомую, как на случайного спутника недолговременного путешествия.

Мало-помалу разговорились: «Поезд отходит вовремя или запаздывает?» «Интересно бы знать, чай есть у проводника?» «Вы тоже в Сочи?» «Нет, в Гары». «Курите? Пожалуйста». «Нет, спасибо, не обучен этому ремеслу».

Деликатно, этак с тонким подходцем, Белугин выпытал у своего спутника, где и кем тот работает. Узнав из ответа Гусарова, что он всего-навсего младший экономист какого-то треста, Прохор Андреевич разочаровался и удивился. «Ишь ты,— подумал он,— птичка-невеличка, а держит себя ясным соколом!»

Но в пути, сами понимаете, приходится порой мириться со всякими неудобствами: и трясёт, и матрац жестковат, и одеяльце шершавое, и в окно слегка дует. Так что Прохор Андреевич вынужден был покориться судьбе и примириться с птичкой-невеличкой.

Тем более, что этот...

— Простите, пожалуйста, как вас звать-величать?

— Гусаров, Василий Ларионович, младший экономист.

Тем более что этот младший экономист оказался интересным собеседником. В дороге будет не так скучно. Всё равно спать ещё не хочется.

Гусаров уже успел рассказать какую-то смешную историю. Он умел шутить, но этак сдержанно, с достоинством. Прохор Андреевич не смеялся, но всё же два одобрительно улыбнулся в адрес младшего экономиста.

Не могу точно сказать, как это случилось, но разговор вдруг перешёл на вопросы художественной литературы. Гусаров оказался начитанным человеком. Слушая его, Прохор Андреевич снисходительно думал: «Ловок... Так и чешет наизусть...»

Укладываться спать, Прохор Андреевич сладко зевнул и спросил:

— Как вы, извиняюсь, сказали... ваша фамилия?

— Гусаров, Василий Ларионович, младший...

— Спокойной ночи, товарищ Гусаров,— прервал его Белугин.

Ночь прошла без всяких существенных изменений. А посему перехожу прямо к утру следующего дня. Тем более что, как исстари известно, утро вечера мудренее...

За завтраком (описание меню не входит в мою задачу) наши спутники коснулись международных проблем. И опять Гусаров показал себя с выгодной стороны. Он даже ввернул в разговор Коста-Рику и Венецуэлу, а фамилии китайских генералов произносил с такой лёгкостью и непринуждённостью, как будто это были его ближайшие соседи по коммунальной квартире.

Завтрак прошёл в тёплой и дружественной атмосфере. Белугин уже хорошо помнил фамилию Гусарова и всё больше проникался к нему уважением и даже громко посмеялся одной его шутке...

Паровоз с упоением несётся вперёд, увлекая своим примером весело громыхающие вагоны. Поезд идёт на юг.

Близость моря, кактусов и прибрежной гальки, предвкушение шумных санаторных игр «в козла» настраивают Прохора Андреевича на лирический лад. В это самое время в душе его начинает легонько шевелиться проснувшееся чувство пытливости, которое когда-то сблизало Белугина с живой жизнью.

«Дельный парень — этот Гусаров,— думает Прохор Андреевич.— А в своём тресте он всего-навсего какой-то младший экономист. Нет, не знаем мы свои кадры... Не знаем... Дельный парень...»

Потом разговор зашёл о структуре трестов и учреждений. И вот тут-то впервые Белугин, обращаясь к Гусарову, назвал его по имени-отчеству:

— Да, Василий Ларионович, вы вполне правы. Видите ли, я тоже так думал.

А Василий Ларионович (разрешите и мне вслед за начальником величать его по имени-отчеству) в кратких, но точных словах обрисовал, как следовало бы реорганизовать и упростить аппарат, сделать его более гибким и жизнедеятельным.

— Правильно, Василий Ларионович! Правильно.

И потом, уже в Сочи, на вокзале, Прохор Андреевич, прощаясь со своим спутником, говорил:

— Правильно, Василий Ларионович. Но было бы ещё правильной, ежели бы вы пошли ко мне работать. А? Там, в тресте, вас не ценят. Начальником планового отдела, согласны? Вернётесь после отпуска, сразу звоните мне. А?..

Прошло пять недель. И вот в кабинете перед Прохором Андреевичем стоит Василий Ларионович. И Прохор Андреевич крепко жмёт руку Василию Ларионовичу. И Прохор Андреевич улыбается Василию Ларионовичу:

— Вас отпускают? Замётано, значит. Но...

Прохор Андреевич виновато почесал подбородок:

— Для проформы, видите ли, нужна бумажка. Без писанины не обойдётся.

И Прохор Андреевич горестно вздохнул:

— Нужна, видите ли, ваша характеристика, подписанная вашим начальником. А?

Василий Ларионович спокойно ответил:

— Боюсь, не подпишет. Он у нас, простите, малость...

Прохор Андреевич быстро снял трубку телефона:

— Да, есть такие чудачки. Как номер его телефона? Я ему сейчас...

— Де ноль-ноль-тридцать два-сорок семь.

— Как?

Василий Ларионович повторил. Прохор Андреевич пожал плечами:

— Да вы ошибаетесь. Это же мой телефон.

— Да. Ваш. Младшим экономистом я работаю здесь, у вас.

— А?

— Да.

И они уставились друг на друга. На этой немой сцене разрешите закончить рассказ.

Г. РЫКЛИН

Рис. М. Черных

ВЕРХ ПЕРЕСТРАХОВКИ

— Встречу Нового года, товарищи, я наметил ориентировочно на 31 декабря.

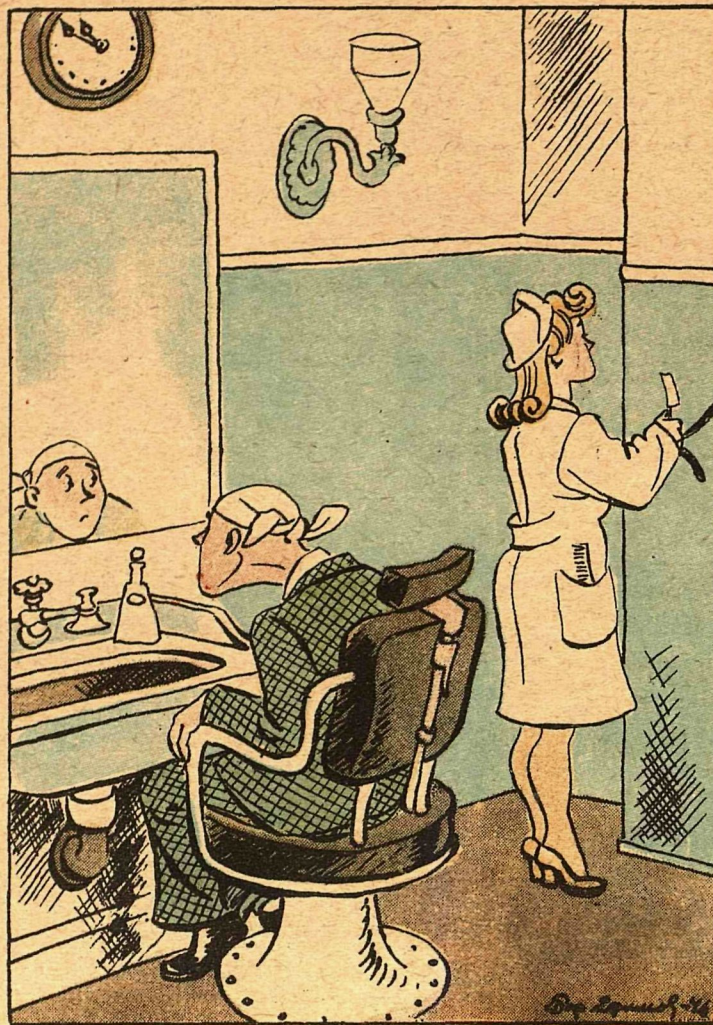

Рис. Бор. Ефимова

ГАДАНИЕ ПО РУКЕ

— В этом году вы хорошо устроитесь. У вас рука в тресте.

ГАДАНИЕ В ЗЕРКАЛЕ

— Любопытно: порежет меня парикмахер в этой спешке или нет?

ПО ДОРОГЕ НА ТИЛЬЗИТ

ЭТОТ разговор происходил в тёплый и влажный ноябрьский вечер по дороге на Тильзит, у деревни Обшириннен.

Я вошёл во двор одинокого дома в полукилометре от дороги. Во дворе кто-то курил, виден был только огонёк папирасы.

А из дома доносился такой знакомый, такой волнующий, такой приятный в этих местах, голос:

— А щоб тоби на тому свити!.. О, щоб тоби на цьом свити!.. Навязався на мою голову, такой недотёпа!..

- Добрый вечер!
- Добрый вечер!
- Это вас так благословляют?
- Эге!
- Супруга?
- А кому ж еще... жинка!

Я прикурил и увидел пожилого украинца в одном жилете и с крупной самокруткой в зубах.

- Давно обстрел идёт?
- Лет двадцать. Як только поженились. Мы тут недавно, с Кременчуга приехали, село Каменка. Почти весь наш колхоз тут.

А между тем из дома доносилось: — Забрався на край свита и думает, що я буду мовчаты...

- А за что обстрел идёт?
- Забыл в Тильзите купить перцу для колбасы...

- Значит, по заслугам?
- Да ни... тут друга причина. Немецкий индивидуализм заедает.
- ??
- Бачите... мы попали на хутора. Вот это мой дом. Я бригадир нашего колхоза, а вон там дом председателя за целый километр, а дом сестры моей жинки тоже за километр. А я, как на грех, сегодня купил жинке в Тильзите шерстяную кофту. Если бы это было в Каменке, то другое дело. Жинка сейчас бы к тыну, к забору, значит, и передала бы по радио соседке:

— Марину, яку мени сьогоня Мефодий кофту купив!

Ну, и через две минуты об этом уже знали бы на конце Каменки. Потому, как у нас в Каменке? Моя хата, мой садок, потом тут же хата кумы, его садок и так далее. Как люди жили? Сообща. Вечером куда пойдёшь? К соседу. Другой сосед зайдёт. Поговоришь, покуришь, новости послушаешь. Надо бригаду собрать? Один момент — и бригада тут: клуб свой имелся, кино. Вот видите. Я ей кофту купил, а ей не с кем поговорить, некому показать. Скучает она. Видите, я наш украинский плетень построил, потому моей жинке негде было свои глечики повесить. В шкафу, она

говорит, они задыхаются, глечики-то... А немцы как жили? Индивидуально. Он ни к кому не ходит, и к нему никто не ходит.

- Значит, вашей жинке немецкий индивидуализм не нравится?
- Не нравится. Ругает немцев на каждом шагу. У нас бабы, извиняюсь, наши колхозницы, привыкли к тракторам, комбайнам, автомашинам. А немцы тут кругом на лошадях работали. Техника больше у помещиков была, и то не такая сильная.

- Значит, и за технику попадаете?
- А как же? За всё попадает. Хоть сейчас же разбирай дом и перенеси его на другое место, рядом с сестрой и кумой Христиной, щоб было кому новую кофту показать или у кого перцу одолжить. А главное, щоб можно было вечером куда зайти и поговорить: кто кого сватает, що в кооперацию привезли, кто как капусту квасит, какая бригада какой трудень имеет и вообще...

- А МТС у вас есть?
- Вон там, за поворотом, наша МТС.
- Мефодий! Иди вечерять, — раздалось из хаты.

Обстрел, очевидно, прекратился. — Может, закусите с дороги? У меня как раз пол-литра есть, а тут даже выпить не с кем, ей-богу.

— Спасибо. В другой раз. Сейчас некогда. Мы пошли искать МТС.

М. ЭДЕЛЬ

ПО СТАРИННОМУ ОБЫЧАЮ

В ТЕАТРЕ готовились встречать Новый год.

В фойе зажгли люстру. Собрались актёры. Пришёл художественный руководитель.

— Товарищи, — сказал он, когда все расселись, — давайте гадать.

— То есть, как «гадать»? — слышались недоуменные голоса.

— По старинному обычаю. Умело проведённое гадание в ночь под Новый год даст нам ясное представление о репертуаре будущего сезона.

— Правильно! — подтвердил заведующий литературной частью.

Художественного руководителя поддержал и директор.

— Гадание, — заявил он, — вполне в духе и народных обычаев и тех докладов и выступлений, которые мы слышали на последнем драматургическом совещании. Если уж руководители Комитета по делам искусств публично гадали, почему нам не гадать?

— Гадать! Гадать! — зашумели актёры.

Тогда художественный руководитель разъяснил своё предложение:

— В старину девушки в новогоднюю ночь гадали о суженом. Мы тоже должны гадать о своём суженом. О том драматурге, который в 1947 году напишет чудесную пьесу.

Началось обсуждение. Первой в прениях выступила одна заслуженная артистка:

— В юности, когда я ещё не посещала лекторий Дома актёра и была идейно отсталой, мне случалось гадать с подружками. В новогоднюю ночь мы выбегали на улицу и спрашивали у прохожих имена. Если прохожего зовут Иваном, значит и твой суженый будет Иван. Лично мне попался Павел.

— И это оказалось верным?

— Почти. Моего четвёртого мужа звали Павлом.

— Нет, это — не гадание, — запротестовал директор. — Оно рассчитано на слишком большое количество суженых.

С места кто-то добавил:

— А потом всё это неточно. Предположим прохожего зовут Леонидом. Подпишем договор с Леонидом Лесновым, а пьесу напишет Леонид Малюгин.

Гадание было забраковано.

Тогда слово взял заведующий литературной частью. Сам он, правда, никогда не гадал, но из литературных источников знает, что «раз в крещенский вечерок девушки гадали, за ворота башмачок, сняв с ноги, бросали».

— Пусть наш художественный руководитель выйдет во двор, снимет сапог и швырнёт через ворота в группком драматургов.

— Ну?

— А в кого он угодит сапогом, тот суженый, с тем и подпишем договор.

— Гиблое дело. В группком драматургов суженого не найдёшь. Пьесы не будет.

— И не надо. Зато договор будет. Сейчас театры озабочены только тем, чтобы у них было побольше договоров. Такое небольшое предприятие, как оперно-драматический театр имени Станиславского, заключил договоров на 200 тысяч.

— М-да... Как видно, за ворота кидают не только башмачки!..

В это время в фойе вошёл главный бухгалтер. Увидев такое необычное собрание, он осведомился, что здесь происходит. Ему сказали: гадают о суженом.

— О каком суженом?

— О суженом драматурге.

— Зачем же гадать? — удивился главный бухгалтер. — У меня есть три суженых драматурга. Второй год с ними сужусь. Авансы не вернули.

Кто-то прыснул, кто-то зашикал, а пожилой актёр на роли характерных героев вдруг выпалил:

— Может, товарищи, дело не в гаданиях и договорах. Может, надо подумать о том, как сделать, чтобы драматург, когда напишет пьесу, хотел понести её в наш театр. Именно в наш, а не в какой-либо другой. Как Чехов в Художественный...

Видя, что прения принимают неделовой характер, художественный руководитель поторопился внести новое предложение:

— Есть известное старинное гадание — перед зеркалом. Девушка сидит между двух свечей и ждёт суженого. Он должен появиться в зеркале.

— А кого мы посадим гадать?

— Кого-нибудь из богинь искусства.

— Кого же? Пантофель-Нечецкую?

Художественный руководитель развёл руками:

— Вы меня не поняли. Я имею в виду одну из греческих богинь искусства. Или Мельпомену, или Терпсихору, или Талию...

— Талию не надо трогать, — испугался директор.

— Это не та талия, которую вы имеете в виду.

Пришлось довольно долго растолковывать ему, что речь идёт о мифологии. Мельпомена — это муза трагедии, Терпсихора — богиня танцев и хорового пения (то, что теперь Свешников!), а Талия — покровительница комедии...

— Ну, знаете, ваша Талия последнее время совсем не справляется со своими обязанностями, — мрачно прогудел старик-комик, сидевший на подоконнике.

Заведующий литературной частью высказался за принятие предложения худрука:

— По-моему, такое гадание даст нам даже больше, чем все эти встречи с драматургами и бутербродами.

— Каким образом?

— Ну, сядет, скажем, эта покровительница комедии гадать. И увидит в зеркале того, кто станет её суженым в текущем сезоне. С этим суженым нужно моментально подписать договор. Шкваркина увидит — со Шкваркиным подпишем, Дыховичного и Слободского увидит — на их комедию будем рассчитывать, братьев Тур увидит...

Многие из присутствующих стали высказываться против этого способа гадания.

— Нет, нет, гадание у зеркала — это опасное дело! Ещё что-нибудь не то увидишь. Какого-нибудь Сомерсета Могема!

— Вон Светлана у Жуковского гадала и каких страхов натерпелась!

— Что Светлана?! «Лёнушка» Леонова села как-то ночью гадать и в зеркале вместо суженого увидела критиков Варшавского и Городинского.

* * *

Новые времена — новые песни. Так гадать, как гадали наши бабушки и тётушки, теперь нельзя. Директора театров гадают теперь не на кофейной гуще, а на договорах. Выдадут авансы двадцати пяти товарищам, а затем гадают, кто же из них всё-таки напишет пьесу!

И делают это не только в ночь под Новый год!

Евг. БЕРМОНТ

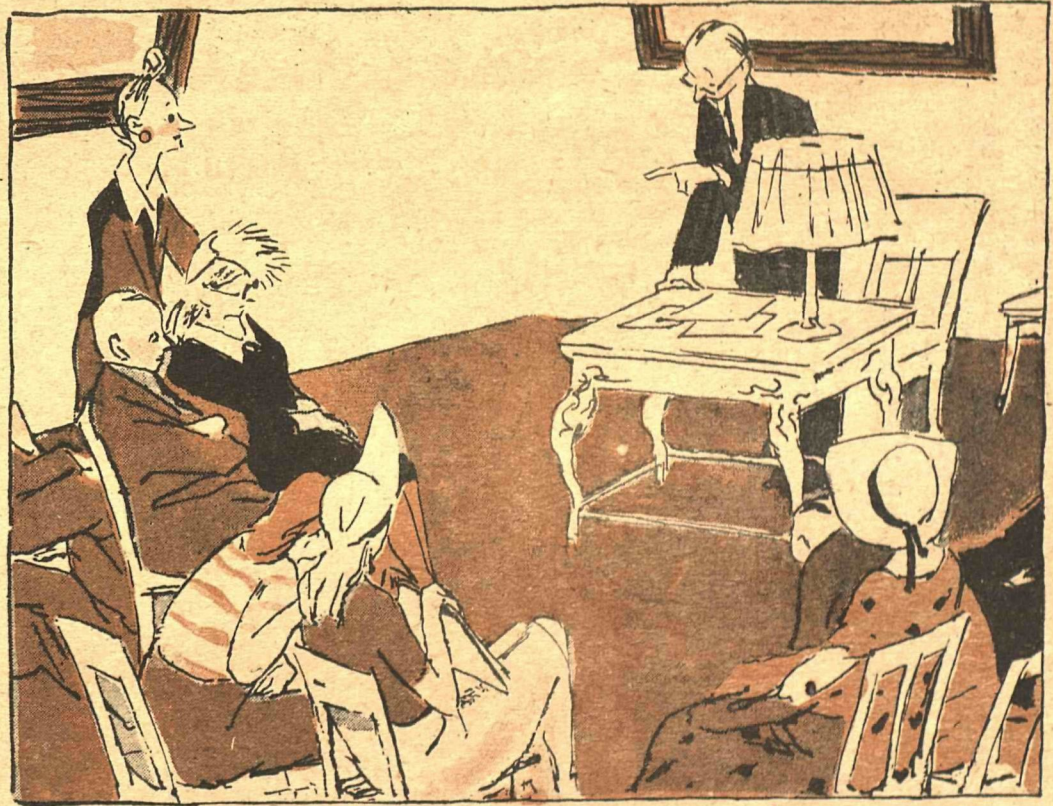

Рис. Л. Сойфертиса

СПОКОЙНОЕ ХОЗЯЙСТВО

— За истекший год, товарищи, ни одна картина нашей студии не была забракована.

— А сколько их было выпущено?

— Столько же.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 часов. Подпиная цена на журнал — 3 руб. 20 коп. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда»

Москва. Изд. № 719 Подписано к печати 24/XII 1946 г. Статформат 72 × 105 см. Печ. л. 1½.

Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А—13376.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Тираж 150 000 экз. Заказ № 2944

98

Рис. Ю. Ганфа

ВСЕСОЮЗНАЯ
КНИЖНАЯ ПАЛАТА
ОБЯЗ. № 3
1947 г.

1947 г.
ОБЯЗ. № 3
КНИЖНАЯ ПАЛАТА
ВСЕСОЮЗНАЯ

ЕЛКА У ПУШЕЧНОГО КОРОЛЯ
АНГЕЛ МИРА. — Как бы эти господа и меня не повесили!